

УДК 821.161.1-31.09(045)

*Е.Р. Иванова***ЧЕРТЫ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В РОМАНЕ Н.Ю. АБГАРЯН
«С НЕБА УПАЛИ ТРИ ЯБЛОКА»**

Роман Н.Ю. Абгарян «С неба упали три яблока» еще ждет своего глубокого анализа и оценки критиков. Автор в своей статье рассматривает произведение через призму магического реализма. Эстетика этого литературного феномена еще не утвердилась окончательно, хотя написано немало исследований, посвященных теории магического реализма. Несмотря на расхождения во взглядах на суть явления, все же выработаны общепризнанные черты магического реализма, которые позволяют по-новому посмотреть на роман «С неба упали три яблока» и по достоинству оценить оригинальность художественного мира произведения, своеобразие реализации его темы и идеи.

Ключевые слова: Н.Ю. Абгарян, магический реализм, роман, мистические образы, хронотоп.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-896-902

Понятие «магический реализм», как и суть этого феномена, в современном литературоведении еще не утвердилось окончательно. Теоретической базой изучения «магического реализма» в отечественной науке являются исследования А.Ф. Кофмана, А.А. Гугнина, А.К. Якимовича и др. В работах ученых систематизирован огромный теоретический материал, обозначены этапы становления и развития явления и понятия, установлены его истоки и связь с постэкспрессионистской живописью, очерчен круг характерных признаков. При этом каждый из исследователей по-своему интерпретировал содержание магического реализма. А.Ф. Кофман связал это явление только с латиноамериканской литературой. А.А. Гугнин дал представление о национальных литературных вариантах магического реализма, включив в его ряд, например, произведения немецкой и русской литератур, и наметил пути его развития. Такой взгляд значительно расширил рамки этого понятия и явления. «В обязательный “джентльменский набор” признаков магического реализма, – пишет Гугнин, входят антиутопичность, антипрагматизм, антиидеологизм и антидогматизм. В рамках магического реализма вступают в диалог все исторические типы человеческого сознания: синкретические (миф, фольклор), рациональные, иррациональные, религиозные, атеистические, мистические...» [3, с. 108].

К интерпретации литературных произведений, написанных в рамках магического реализма, продолжают обращаться современные исследователи, открывая все новые грани этого явления и особенности его национальных вариантов [6; 7; 9; 10; 13; 14]. Сегодня существует ряд емких определений понятия «магический реализм». Отметим некоторые из них. «В магическом реализме романтическая фантазия сливается с обыденностью и порой торжествует над ней. В отличие от безнадежности кафкианского мира, в художественной реальности магического реализма сказочная феерия пронизана верой в добро» [2, с. 425]. «В общем и целом, магический реализм – это особая призма, через которую писатели смотрят на сиюминутные проблемы и явления действительности и видят в реальности то, что есть в ней фантастического, необычного и даже странного – тех элементов, структур, образов, благодаря которым повседневная серая жизнь преобразуется в символическую, поэтическую, сюрреалистическую “сказку”» [6, с. 52]. «Магический реализм... определяется как особый тип художественного мышления, свойственный разнородным явлениям в литературе XX века, при котором писатель отрицает плодотворность рационалистического мышления в стремлении выразить и художественно осмыслить мифически-магическую модель мировидения и для которого характерно органичное использование элементов фантастики наряду с обязательным наличием черт легко опознаваемой исторической реальности» [9, с. 255]. Очевидно, что «общим знаменателем» данных определений является фантастичность как неотъемлемая составляющая магического реализма. «Само слово “магический” подразумевает выход за пределы рационального, а магия, если обратиться к семантическому значению слова, есть воздействие, влияние. Оказалось, что не только реальный мир может воздействовать на художественный, но и художественная реальность может влиять на действительность» [10, с. 20].

Это еще раз подчеркивает, что понятие «магический реализм» еще не обрело своего четкого обозначения. Исследователи по-разному определяют и его категориальную сущность: «особая призма»,

«особый тип художественного мышления», «художественный метод, в основе которого лежит особое мировидение писателя», «ответная реакция современного искусства на новую, стремительно меняющуюся картину мира» и др. Анализ художественных произведений, написанных в русле магического реализма, а также теоретические изыскания позволяют утверждать, что магический реализм – это литературное течение. Такое понимание явления учитывает его «немагистральность» в рамках литературного процесса, отсутствие фундаментальных эстетических трудов, определяющих его теоретические основы в области литературного творчества, изменчивость и незавершенность.

Стремлением обозначить более четкие положения магического реализма объясняется создание в некоторых исследованиях своеобразной парадигмы этого феномена [3; 7; 9]. Анализируя предложенные исследователями [3; 7; 9] варианты основополагающих признаков магического реализма, можно утверждать, что обязательным для его понимания является следующее: 1) наличие двух реальностей (обыденной, не раскрывающей сути важнейших духовных сторон бытия, и надобыденной, нивелирующей стереотипы и житейские ценности); 2) особое восприятие категории времени; 3) отклонение от психологического детерминизма; 4) внимание к национальным истокам. Существуют и другие характерные черты, но они вариативны, то есть реализуются в контексте творчества отдельного писателя и в его произведениях.

Отмеченные черты магического реализма ярко проявились в романе «С неба упали три яблока» (2015), принадлежащем перу современной писательницы, лауреата престижных литературных премий Н.Ю. Абгарян. Ее произведения критики позиционируют как «творчество армянской русскоязычной писательницы». Исследователь В.И. Шульженко рассматривает творчество Н.Ю. Абгарян как образец литературы на русском языке, создаваемой «мигрировавшими из бывших республик в Россию после распада Советского Союза писателями» [15, с. 80]. Роман «С неба упали три яблока» стал ярким событием отечественной литературы и вызвал интерес литературоведов, которые рассматривали текст с позиции бикультурного видения [11], анализировали своеобразие художественного пространства [12] и т. п.

В произведении причудливым образом переплелись страницы истории маленького горного селения Маран и события истории огромной страны, которые стали фоном, своеобразными временными вехами повествования об отдаленной горной деревушке. «Вместе с фольклорной традицией в тексте произведения представлены и этнокультурные влияния. Литературоведы и критики отмечают сходство текста романа “С неба упали три яблока” с романом “Сто лет одиночества” Габриэля Гарсиа Маркеса. Схожесть выделяют на основании причудливости сюжетного полотна и трагикомичности судеб героев. Кроме того, в тексте романа есть интертекстуальная ссылка на роман Маркеса, которая дословно повторяет его заглавие: “За те сто лет одиночества, на которые его обрекли равнодушные дальние потопки”» [11]. Ряд отсылок к роману Маркеса в произведении Абгарян можно продолжить. Например, очевидны параллели между деревней Маран и селением Макондо: их отдаленность и изолированность от цивилизации создает особый мир отношений и местных традиций, не понятых и не принятых «внешним» миром. «...Связи с внешним миром у Марана давно не было. Видно, в долине давно уже махнули рукой на горстку упрямых стариков, отказавшихся в свое время спускаться с макушки Маниш-кара в низины» [1, с. 53]. Образы цыганки Патрины и толкователя снов в романе Абгарян вполне сопоставимы с образом маркесовского скитальца-предсказателя Мелькиадеса. Схожи причудливые переплетения реальности и мистики в судьбах семей Севоянц и Буэндиа. Перекликаются и удивительные предметы-знаки, наделенные мистическими свойствами: зеркало, магнит, пергамент Мелькиадеса, золотые рыбки с изумрудными глазами Аурелиано Буэндиа и перстень Воске, косы Анатолии, белый павлин, неведомо откуда появившийся в Маране. Это еще раз подтверждает мысль о том, что анализ произведения Н.Ю. Абгарян в контексте традиций магического реализма вполне оправдан. Рассмотрим, как проявляются названные черты магического реализма в произведении.

Художественный мир романа Н. Абгарян двойственен. Жизнь маранцев, на первый взгляд, протекает в привычных бытовых делах. Домашние хлопоты, забота о животных, уход за огородом, общение с соседями, обсуждение обыденных дел, кажется, занимают все жизненное пространство героев произведения. По мере разворачивания сюжета воспоминания, вещи, фотографии «воссоздают» другой, как оказывается, более значимый мир. Например, альбом с фотографиями семьи Севоянц, мебель, доставшаяся Анатолии от родителей, не только воскрешают прошлое семьи, но и создают некий единый локус ее бытия. Героиня разговаривает с ушедшими родственниками и получает ответы в виде примет или понятных только ей знаков. Кузнец Василий Кудаманц и его жена Магтахинэ не теряют «нити общения» со своими погибшими на войне сыновьями: мать разговаривает с их фотографиями, а

отец «запретил упоминать имена сыновей», заявив: «Вот когда умрем и встретимся с ними, тогда и наговоримся» [1, с. 68]. Дед Ваню Меликанц «мог просидеть под старой вишней до первых звезд, перебирая в памяти канувших в небытие родных» [1, с. 143]. В душах жителей Марана нет страха смерти, так как они воспринимают реальный мир как временное пристанище, как цепь потерь и испытаний, которые необходимо перенести достойно и смиренно. Этот «высший» мир полон знамений и судьбоносных знаков, которые со временем, словно фрагменты мозаики, включаются в общую картину жизни маранцев. Так, трагической вехой в истории деревни стал страшный голод, унесший жизни половины жителей Марана. Позже старожилы, иначе взглянув на цепь предшествующих голоду событий, увидели в них ясные знаки-предупреждения. «Уже потом, спустя годы, маранцы с горечью вспомнили, что голод, словно играя с ними в кошки-мышки, вперед себя посылал вестников и подавал знаки, с тем чтобы предупредить, а может, поглумиться... Но погруженные в будничные заботы люди, увы, не смогли распознать затаенный смысл этих знаков» [1, с. 100]. Сначала это был «необъяснимый, зловещий исход» мышей, которые «бурлящей ордой» покинули селение за одну ночь. Затем «грозовые тучи, внезапно обернувшись стаями тяжелых острокрылых мух, обрушились на деревню, норовя облепить отвратным кишасим месивом все, что попадалось на пути». И, наконец, страшная засуха, уничтожившая все всходы. «Засуха была последним вестником, посланным голодом впереди себя. Следом, на колеснице солнечного ветра, нагрянул он – волглозглядый и мерзкий, не ведающий пощады и сострадания, страшнее самого страшного, что может быть на свете, – самой смерти» [1, с. 106]. И таких, посланных откуда-то свыше, знаков в жизни обитателей высокогорной деревушки было много. Очевидно, что они воспринимались как доказательство существования «высшего» мира, действия добрых и злых высших сил, уравновешивавших радости и печали, вносящих гармонию в мировосприятие маранцев, без которой их жизнь была бы невыносимой.

Особую роль в романе «С неба упали три яблока» играют сны и видения, создающие дополнительный, так называемый онейрический хронотоп, который «реализуется посредством сновидений, фантазий, воспоминаний, иного бытия и т. п., т. е. ирреальности, которая помогает герою осмыслить важнейшие жизненные принципы, постичь Истину» [5, с. 390]. Это оттеняет двойственность художественного мира романа. «Снам маранцы придавали особое значение. Пересказывали друг другу, стараясь разгадать тайный смысл, который те в себе несли» [1, с. 91]. Удивительные многозначные сны и видения грезятся героям романа, придавая обычным событиям чудесный смысл. Это сон юной Воске накануне свадьбы. Привидевшаяся ей старшая сестра указала на длинные косы Воске и тем самым превратила их в оберег. Когда при пожаре огонь уничтожил косы, Воске погибла. Маленькому Акопу Кудаманцу во время голодной зимы по ночам виделись светящиеся столбы, количество которых совпадало с числом не доживших до утра односельчан. Валинке снится недавно умерший муж Ваню, который упрекает ее за жадность. Кузнец Василий, обретя позднее счастье с Анатолией, видит по ночам свою умершую жену Магтахинэ. А когда он просит ее помочь Анатолии, «Магтахинэ замерцала-запереливалась золотыми искринками. Через секунду она исчезла, бесследно растворившись в воздухе. Василий подошел к тому месту, где она стояла, потрогал перила. Они были теплые, словно к ним прислонялся живой человек» [1, с. 256]. Все это создает особый сверхъестественный контекст событий романа Н.Ю. Абгарян, столь характерный для литературы магического реализма. Как отмечает А.А. Гугнин: «Магические реалисты устраняют дилемму рационального и иррационального сознаний с помощью восстановления в правах мистически-магического мировидения» [3, с. 107]. Стирание границы между рациональным и мистическим очевидно в сюжетной линии Анатолии, которая находит перстень своей прабабушки, взятый цыганкой в день рождения героини. Он словно оберегал дом, пока Анатолия не повзрослела, не обрела уверенность в себе и в своем будущем. Удивительна история белого павлина, появившегося в деревне вместе с другой домашней живностью, которую прислали из долины после страшной голодной зимы. «Ваню подозревал, что павлин появился не просто так, а с какой-то большой целью, если вообще не с миссией. Однажды он отмотал время назад, сопоставил даты и вспомнил, что грузовик с птицей прибыл в деревню именно в тот день, когда невестка сообщила им, что беременная. Будучи здравомыслящим человеком, Ваню и тут попытался найти какое-то рациональное толкование происшедшему. Но, потерпев поражение, махнул рукой и сдался, смирившись с тем, что есть вещи, которые обычным умом не постичь» [1, с. 149]. Через много лет на чердаке дома Ваню была найдена старинная картина, изображающая рыцаря и белого павлина, что также придает птице особое магическое значение.

Характерная для магического реализма категория времени предполагает его дискретность. Вместе с тем время в произведениях магического реализма «субъективно и относительно» [3, с. 106], поскольку изначальный интерес к необычному, сверхъестественному не допускает конкретных временных ориентиров. В тексте романа нет ни одной точной даты, которая закрепила бы хронологию событий. Временные ориентиры условны и символичны. Например, «весна того года, когда кончилась война», «день, когда родился Тигран», «тридцать три года, как в его доме появился павлин», «война случилась в год, когда ей исполнилось сорок два», «к тому времени, когда Анатолии исполнилось пятьдесят восемь, в Маране остались только старики» и т. п. Даже дни недели маранцы наполняли чудесным содержанием. «По старинному, неукоснительно соблюдавшемуся маранцами поверью, горячую воду в четверг и пятницу лить на землю было нельзя – чтобы не ошпарить ног Христу». Четверг, считали они, добрый день, воскресенье несет праздный сон, а со вторника на среду снятся вещие сны. Такое понимание времени создавало свой круговорот жизни деревни, который не менялся столетиями и обретал магически-мистическое значение.

В романе Н.Ю. Абгарян герои живут, ориентируясь на свои точки отсчета времени – масштабные события, которые стали вехами в жизни всех жителей Марана. Это землетрясение, которое унесло в пропасть большую часть деревни и половину горы Маниш-кара, три голодные зимы и война. Отмеченные трагические страницы в истории высокогорной деревни коснулись всех семей, каждого ее жителя. Писательница вплетает в ткань повествования линии нескольких маранских родов, судьбы которых круто изменили произошедшие катаклизмы, но эти линии все же не получили в романе первостепенного значения.

Подобно тому, как в произведении Маркеса «Сто лет одиночества» до селения Макондо доносятся лишь отголоски перемен, происходящих в далеком большом мире, так и в Маране важнейшим остается малый круг бытия, а события жизни огромной страны доносятся до них как раскаты грома. Создается впечатление, что в Маране время иное. Оно более медленное, и поэтому философски насыщенное. Так, например, описывает автор восприятие времени одной из главных героинь романа: «Зимние дни были похожи друг на друга, словно прозрачные камни в четках бабо Манэ, с которыми Анатолия не расставалась никогда. Утром она выбиралась в курятник, далее кормила коз, убиралась на кухне и готовила что-нибудь на скорую руку, а потом читала на протяжении недолгого смурного дня. С наступлением кромешной ночи дремала на тахте, завернувшись в несколько одеял, или же просто лежала, наблюдая гаснущее свечение углей сквозь небольшое отверстие в заслонке дровяной печи» [1, с. 46]. Созерцательность, которая присуща всем обитателям Марана, размеренный образ жизни, дистанцированность от политических и социальных потрясений делают «маранское время» первичным, более значимым для повествования и придают ему субъективный характер, что характерно для литературы магического реализма в целом.

Картина истории Марана в романе Н.Ю. Абгарян была бы невозможна без героев повествования. Персонажи произведения лишены сложного внутреннего мира, их поступки и мысли, как предполагается магическим реализмом, психологически не обусловлены. Они руководствуются национальными традициями, представлениями о нравственности, сформированными их предками и не меняющимися веками, а также верой в высшие силы, которые не связаны с верой в Бога. Все это компенсирует отсутствие психологического анализа. Рассказ о героях романа писательница начинает с истории предков, фамильные черты которых ярко проявляются в потомках и заменяют несвойственный магическому реализму психологизм. Семейная черта или дело становятся характерной особенностью и даже нравственным стержнем героев. Анатолию отличают удивительной красоты косы медового цвета, которые она вместе с кротким нравом унаследовала от матери. Василий Кудаманц продолжает дело отца и становится кузнецом. Ваню Меликанц является потомком княжеского рода, укрывшегося в деревне от репрессий после революции. Следуя неписанному нравственному закону, никто из соседей не выдал семью властям, называя между собой эту семью Меликанцами, от слова «мелик» – князь. Мифологическое сознание маранцев несколько нивелирует их индивидуальные характеры. Герои различаются именами, судьбами, в которых отразилась судьба всего селения, но все они живут в гармонии с природой, чтут память предков, печалются о рано ушедших близких людях. Маранцы трудолюбивы, бескорыстны, щедры, стойко переносят удары судьбы, довольствуются малым, обычно не строят планов на будущее. Раз и навсегда связав жизнь со своей малой родиной, они не мечтают о путешествиях и других краях. В романе возникает своего рода обобщающий портрет жителей горной деревни, которые живут как одна семья. В конце произведения они получают надежду на то, что жизнь в Маране не угаснет, так

как после долгого перерыва родились дети – потомки коренных жителей. Это мальчик и девочка – сын Тиграна Меликанца и дочь Анатолии Севоянц. Таким образом многовековая история Марана получает продолжение, в отличие от маркесовского Макондо, уходящего через столетие в небытие.

Еще одной важной составляющей магического реализма является понимание национальных традиций как мотивировки сюжета произведения. При этом магический реализм далек от стремления подчеркнуть и зафиксировать именно национальный аспект. Так, в романе «С неба упали три яблока» автор не акцентирует внимания на этническом материале как на исключительной данности. Бесспорно, в тексте много армянского национального колорита: имена, названия блюд, наименования предметов одежды и домашней утвари и мн. др. Однако в романе этот удивительный самобытный материал не становится целью повествования. Н.Ю. Абгарян, оттолкнувшись от него, говорит об общечеловеческих ценностях. Герои романа – жители далекой горной деревни, не видевшие больших городов и других стран, так же, как и все люди, радуются весне и рождению детей, горюют о погибших, надеются на лучшее. Эту особенность магического реализма очень точно подчеркнул А.А. Гугнин. «Для магического реализма, – пишет исследователь, – весьма характерно преодоление европоцентризма и национализма. Магические реалисты стремятся выйти за рамки европейского типа цивилизации, европейского мировидения, синтезировать мировой опыт, что в том числе свидетельствует о постоянном движении от национального типа мировосприятия к ноосферическому мировосприятию... Планетарное национальное мироощущение постепенно будет становиться важнее конкретной национальной родословной, которую, однако, никто не должен мешать хранить и любить как драгоценный семейный альбом с запечатленными на нем предками» [3, с. 108]. Это преодоление национального видения мира очевидно в произведении Н.Ю. Абгарян. В завершающей части романа рассказывается о том, как в деревне появилась голубоглазая и светловолосая Настасья – жена Тиграна Меликанца. Их сын соединил две нации. Именно ему начертано не только продолжить свой род, но и вернуть жизнь в некогда людный Маран.

Таким образом анализ романа Н.Ю. Абгарян, с точки зрения воплощения черт магического реализма, позволяет увидеть многогранность произведения, соотнести его с романами, оценка и интерпретация которых уже утвердилась, подчеркнуть оригинальность творчества писательницы в целом. Роман «С неба упали три яблока» заставляет читателя задуматься о многом и решить, кому бы он отдал все яблоки: тому, кто видел; тому, кто рассказал или тому, кто слушал.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абгарян Н.Ю. С неба упали три яблока. М.: Изд-во АСТ, 2021. 381 с.
2. Боров Ю.Б. Магический реализм // Теория литературы: в 4 т. / ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. М.: Наследие, 2001. Т. 4: Лит. процесс. С. 421-425.
3. Гугнин А.А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. М.: Институт славяноведения РАН, 1998. 120 с.
4. Гугнин А. А. Магический реализм // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 490-492.
5. Екабсон А.В. Концепция времени и пространства в современном литературоведении // Academic Research in Educational Sciences. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-vremeni-i-prostranstva-v-sovremennom-literaturovedenii/viewer> (дата обращения 31.01.2023).
6. Ивлиева И.Д. «Бесовские» романы И. Моргнер в контексте немецкой литературы магического реализма // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (3).
7. Кислицын К.Н. Магический реализм // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 274-277.
8. Кофман А.Ф. Проблема «магического реализма» в латиноамериканском романе // Современный роман. Опыт исследования. М.: Наука, 1990. С. 183-201.
9. Маслова Е.Г. Магический реализм как парадигма культурно-художественного сознания современного общества // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2002. № 10. С. 254-269.
10. Панчехина М.Н. Магический реализм как художественный метод в романах М.А. Булгакова: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 – Теория литературы. Текстология. Донецк, 2017. 189 с.
11. Смирнова А.И. Бикультурное видение мира в романе Наринэ Абгарян «С неба упали три яблока» // От билингвизма к транслингвизму: про и контра: материалы III Международной научно-практической конференции под эгидой МАПРЯЛ, Москва, 01–02 декабря 2017 года / Российский университет дружбы народов; составители: У.М. Бахтикиреева, О.А. Валикова, С.В. Дмитриук. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2017. С. 346-349. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32567537> (дата обращения 29.01.2023).
12. Черноусова А.О. Концепция пространства в романе Н.Ю. Абгарян «С неба упали три яблока» // Молодой ученый. 2022. № 31(426). С. 110-111. URL: <https://moluch.ru/archive/426/94311/> (дата обращения 29.01.2023).

13. Шамсутдинова Н.З. Магический реализм в современной британской литературе (А. Картер, С. Рушди): дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 181 с.
14. Шарыпина Т.А. «Магический реализм» (Г.Э. Носса, Г. Казак) в эпоху «часа ноль» немецкой литературы // История зарубежной литературы XX века: учеб. пособие // Т.А. Шарыпина, В.Г. Новикова, Д.В. Кобленкова. М.: Высшая школа, 2009. С. 382-397.
15. Шульженко В.И. Современная литература на русском языке в контексте традиций отечественной классики и межкультурной интеграции в XXI веке // Мир русского слова. 2018. № 4. С. 79-87.
16. Якимович А.К. Реализмы 20 века. Магический и метафизический реализм. Идеологический реализм. Сюрреализм. М.: Галарт: Олма-Пресс, 2001. 176 с.

Поступила в редакцию 24.01.2023

Иванова Елена Радифовна, доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры зарубежной филологии
Московский городской педагогический университет
129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4 (корп. 1)
E-mail: iva17051@yandex.ru

E.R. Ivanova

**FEATURES OF MAGICAL REALISM IN N.YU. ABGARYAN'S NOVEL
"THREE APPLES FELL FROM THE SKY"**

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-896-902

The article is devoted to the analysis of N.Yu. Abgaryan's novel "Three apples fell from the sky", which is still waiting for its in-depth analysis and evaluation by critics. The author of the article examines the work through the prism of magical realism. The aesthetics of this literary phenomenon has not been fully established yet, although many studies have been written on the theory of magical realism. Despite the differences in views on the essence of the phenomenon, the generally recognized features of magical realism have been developed. They allow us to take a fresh look at the novel "Three apples fell from the sky" and appreciate the originality of the artistic world of the work, the originality of the implementation of its theme and idea.

Keywords: N.Yu. Abgaryan, magical realism, novel, mystical images, chronotope.

REFERENCES

1. Abgaryan N.Yu. S neba upali tri yabloka [Three apples fell from the sky]. M.: Izd-vo AST, 2021. 381 s. (in Russian).
2. Borev Yu.B. Magicheskij realizm // Teoriya literatury [Magical Realism]: v 4 t. / IMLI im. A.M. Gor'kogo RAN. M.: Nasledie, 2001. T. 4: Lit. process. S. 421-425. (in Russian).
3. Gugnin A.A. Magicheskij realizm v kontekste literatury i iskusstva XX veka: fenomen i nekotorye puti ego osmysleniya [Magical Realism in the context of Literature and Art of the XX century: a phenomenon and some ways of understanding it]. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 1998. 120 s. (in Russian).
4. Gugnin A.A. Magicheskij realizm // Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij [Magical Realism]. M., 2001. S. 490-492. (in Russian).
5. Ekabson A.V. Konceptsiya vremeni i prostranstva v sovremennom literaturovedenii [The concept of time and space in modern literary studies] // Academic Research in Educational Sciences, 2022, № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-vremeni-i-prostranstva-v-sovremennom-literaturovedenii> (accessed 31.01.2023). (in Russian).
6. Ivlieva I.D. «Besovskie» romany I. Morgner v kontekste nemeckoj literatury magicheskogo realizma [I. Morgner's "Demonic" Novels in the Context of German Magical Realism Literature] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky], 2014, № 2 (3). (in Russian).
7. Kislicyn K.N. Magicheskij realizm [Magical Realism] // Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Perception. Art]. 2011, № 1. S. 274-277. (in Russian).
8. Kofman A.F. Problema «magicheskogo realizma» v latinoamerikanskom romane // Sovremennyy roman. Opyt issledovaniya [The problem of "magical realism" in the Latin American novel]. M.: Nauka, 1990. S. 183-201. (in Russian).
9. Maslova E.G. Magicheskij realizm kak paradigma kul'turno-hudozhestvennogo soznaniya sovremennogo obshchestva [Magical Realism as a paradigm of cultural and artistic consciousness of modern society] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University]. 2002. № 10. S. 254-269. (in Russian).

10. Panchekhina M.N. Magicheskij realizm kak hudozhestvennyj metod v romanah M.A. Bulgakova [Magical Realism as an artistic method in the Novels of M.A. Bulgakov]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.08 – Teoriya literatury. Tekstologiya. Doneck, 2017. 189 s. (in Russian).
11. Smirnova A.I. Bikul'turnoe videnie mira v romane Narine Abgaryan «S neba upali tri yabloka» // Ot bilingvizma k transljngvizmu: pro i kontra: materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii pod egidoy MAPRYAL[Bicultural vision of the world in Narine Abgaryan's novel "Three Apples Fell from the Sky"], Moskva, 01–02 dekabrya 2017 goda / Rossijskij universitet druzhby narodov; Sostaviteli: U.M. Bahtikireeva, O.A. Valikova, S.V. Dmitryuk. Moskva: Rossijskij universitet druzhby narodov (RUDN), 2017. S. 346-349. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32567537> (data obrashcheniya 29.01.2023). (in Russian).
12. Chernousova A.O. Koncepciya prostranstva v romane N.Yu. Abgaryan «S neba upali tri yabloka» [The concept of space in N.Y. Abgaryan's novel "Three Apples fell from the Sky"] // Molodoj uchenyj [Young scientist]. 2022. № 31(426). S. 110-111. URL: <https://moluch.ru/archive/426/94311/> (accessed 29.01.2023). (in Russian).
13. Shamsutdinova N.Z. Magicheskij realizm v sovremennoj britanskoj literature (A. Karter, S. Rushdi) [Magical Realism in Modern British Literature (A. Carter, S. Rushdie)]: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2008. 181 s. (in Russian).
14. Sharypina T.A. «Magicheskij realizm» (G.E. Nossak, G. Kazak) v epohu «chasa nol'» nemeckoj literatury ["Magical Realism" (G.E. Nossak, G. Kazak) in the era of the "zero hour" of German literature] // Sharypina T.A., Novikova V.G., Koblenkova D.V. Istoriya zarubezhnoj literatury XX veka [History of foreign literature of the XX century]: Ucheb. posobie. M.: Vysshaya shkola, 2009. S. 382–397. (in Russian).
15. Shul'zhenko V.I. Sovremennaya literatura na russkom yazyke v kontekste tradicij otechestvennoj klassiki i mezhkul'turnoj integracii v XXI veke [Modern literature in Russian in the context of the traditions of Russian classics and intercultural integration in the XXI century] // Mir russkogo slova [The world of the Russian word]. 2018. № 4. S. 79-87. (in Russian).
16. Yakimovich A.K. Realizmy 20 veka; Magicheskij i metafizicheskij realizm; Ideologicheskij realizm; Syurrealizm [Realism of the 20th century. Magical and metaphysical realism. Ideological realism. Surrealism]. M.: Galart: Olma-Press, 2001. 176 s. (in Russian).

Received 24.01.2023

Ivanova E.R., Doctor of Philology, Associate Professor, Deputy Director for scientific work
Moscow City University
Vtoroy Selskohoziaystvenny proezd, 4, Moscow, Russia, 129226
E-mail: iva17051@yandex.ru